

Check for updates

Аксиология культуры

УДК 009

EDN TGMJMM

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-25-33>

Государство vs нация: социально-исторический анализ проблемы

Ю. В. Верминенко¹, С. Э. Зверев^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Верминенко, Ю. В., Зверев, С. Э. (2023) Государство vs нация: социально-исторический анализ проблемы. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 5, № 1, с. 25–33. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-25-33>
EDN TGMJMM

Получена 25 февраля 2023; прошла рецензирование 11 мая 2023; принята 11 мая 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Ю. В. Верминенко, С. Э. Зверев (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии СС BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация. Статья посвящена социально-историческому анализу проблемы взаимоотношений российской нации с государством. Разграничены понятия «нация», «народ», «население» по критерию степени участия в политико-экономическом развитии страны. Единственным стратом, обладающим политической силой, является нация как политико-экономическая элита, которая в целях самосохранения стремится распространить себя на народ, включив его в орбиту своего влияния. Для этого народ, составляющий основу государства, должен разделять основополагающие ценности и установки правящей элиты, которые прививаются системой образования. Рассматривается роль государства в формировании высокой письменной культуры как условия развития нации и народа через систему образования. Отмечается, что процесс централизации Московского государства по принципу «внутреннего завоевания» привел к закабалению населения и умалению творческой силы народа. Властные элиты тормозили формирование российской нации вплоть до второй половины XIX в., пока поражение в Крымской войне не поставило власть перед необходимостью широких реформ прежде всего в социальной сфере. Отставание в развитии системы образования в XVI–XVII вв. повлекло доминирование в народе религиозной веры над рациональным мышлением и сакрализацию верховной власти, что сказалось на темпах развития российской нации как движущей политической силы общества. В дальнейшем конфронтация между нацией и государством приняла форму революционной борьбы, что привело к крушению российской государственности. Перспективная сверхзадача высшей школы на современном этапе заключается в воспитании широко образованной, неконформно и творчески мыслящей личности, а через это — формирование общероссийской нации и укрепление государственности страны.

Ключевые слова: нация, народ, население, государство, образование, государственность

State vs. nation: Socio-historical analysis

Yu. V. Verminenko^{✉1}, S. E. Zverev¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation:

Verminenko, Yu. V., Zverev, S. E. (2023) State vs. nation: Socio-historical analysis. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 25–33. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-25-33> EDN TGMJMM

Received 25 February 2023; reviewed 11 May 2023; accepted 11 May 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © Yu. V. Verminenko, S. E. Zverev (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The article offers a socio-historical analysis of the relationship between the Russian nation and the state. The concepts of 'nation', 'people', and 'population' are differentiated by the degree of contribution to the political and economic development of the country. The article highlights the role of the state in the formation of the high writing culture as a condition for the development of the nation and people through the education system. It is noted that the centralization of the Moscow state through 'internal conquest' enslaved the population and undermined people's creativity. The ruling elites hindered the formation of the Russian nation until the second half of the 19th century. Then, the defeat in the Crimean War put the authorities in need of broad reforms, primarily, in the social sector. A lag in the development of the education system in the 16th–17th centuries led to the dominance of religious faith over rational thinking and the sacralization of the supreme power. This affected the pace of development of the Russian nation as the driving political force of society. In the future, the confrontation between the nation and the state transformed into revolutionary struggle resulting in the collapse of the Russian statehood. Today, a promising super-task of higher education is to produce a well-rounded, non-conformist and creative personality as a driver of the formation of an all-Russian nation and the strengthening of the country's statehood.

Keywords: nation, people, population, state, education, statehood

Введение

Изучая современное общество как российское, так и западное актуальным представляется социально-исторический анализ проблемы взаимоотношений российской нации с государством. Наиболее интересным аспектом изучения этой проблемы, содержащим элементы научной новизны, является роль государства в формировании высокой письменной культуры как условия развития нации через систему образования.

Методология исследования

Сравнивая государственные институты России и стран Западной Европы, их влияние на уровень образования и культуры различных социальных групп и нации в целом, мы придерживаемся методологических принципов системного подхода и опираемся на методологию теоретического исследования, применяя сравнительный и исторический методы. Выбрав такую социальную общность как нация в качестве объекта исследования и определив предметом исследования процесс влияния системы образования на формирование нации, мы обозначили цель и задачи нашего теоретического исследования.

Цель исследования заключается в социально-историческом анализе условий развития нации

через систему образования. Реализация задач исследования предполагает анализ взаимоотношения российской нации с государством; изучение влияния государственных институтов на систему образования, уровень образованности и культуры населения. Соблюдая методологическую корректность, мы использовали понятийный аппарат, неоднократно используемый в литературе и иных документальных источниках, послуживших теоретической базой нашей аналитической работы.

Основные результаты исследования

Перечислим основные понятия и определения, которые были использованы в данном исследовании. Под *населением* мы будем понимать всех людей, проживающих на определенной территории; под *народом* — деятельную часть этого населения, являющуюся носителем коллективной воли к прогрессивному развитию и, в конечном счете, к совершенству; под *нацией* — внесловную, культурную, образованную часть народа, пользующуюся относительной социальной и экономической мобильностью (Геллнер 1991). Из указанных стратов четко очерченными физическими границами обладает только первый — население, включая в этом смысле себя и народ, и нацию; границы остальных более подвижны и неопределенны, что,

на наш взгляд, и обуславливает различные их трактовки, существующие в литературе по данному вопросу.

Политической силой, как правило, обладает только нация. Народ в судьбоносные моменты может выделять из своей среды отдельных личностей, подобных Жанне д'Арк во Франции, Уильяму Уоллесу в Шотландии, или Кузьме Минину у нас, которые, организуя народ, превращают его в действенную политическую силу, но при более или менее обыкновенных условиях народ играет роль моральной и физической опоры нации. Нации образуют политические партии и правительства, руководящий состав государственного механизма, который приводится в движение народом. В этом смысле в доиндустриальную эпоху можно говорить о «политической нации» или, в современных терминах, элите — титулованной знати и дворянстве — как это понятие трактует Э. Хобсбаум.

Движимая чувством самосохранения, нация стремится обезопасить себя, сообщив свое видение политики народу, а в идеальном случае — стремится распространить себя на народ, точнее поднять его до своего уровня, вовлечь в свою орбиту, чтобы народ разделял идеалы и ценности, которые исповедует нация, и был движим ими в собственной «государствообразующей» деятельности. Очевидно, что на этом пути меры принуждения или манипулирования противопоказаны — иначе народ обращается в массу (как трактовали ее классики ленинизма), которую, конечно, можно использовать в качестве рабочей силы или пушечного мяса, но никакой инициативы, творчества, жертвенности — характерные черты народа, отличающие его от населения — ожидать уже не приходится. Честность нации и доверие народа, таким образом, есть две составляющие, обеспечивающие функционирование государственного аппарата и условие функционирования государственной власти, сила и авторитет которой заключается в *потенциальной* возможности ее применения (Луман 2001).

Систему ценностей, разделяемую нацией и народом проще всего выработать в системе образования, которая, как известно, есть главный институт, обеспечивающий социализацию личности. Именно поэтому государство объективно должно выступать заказчиком образования и инструментом формирования нации. Конечно, государство обычно руководствуется совсем не филантропическими целями: образованные люди нужны ему в первую очередь для взимания налогов, ведения финансов, прокладывания дорог, изобретения новых видов вооружений

и решения тому подобных вполне прагматических задач. Однако необходимость воспитания новых поколений государственных соратников также остается фактом: с античности было известно, что продуктивна только свободная мысль и эффективен только сознательный труд людей, разделяющих общие взгляды и ценности. «Национализм, — справедливо полагал Э. Геллнер, — является следствием новой формы социальной организации, опирающейся на полностью обобществленные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством» (Геллнер 1991).

Как следует из приведенной цитаты, нация есть продукт длительного социально-исторического развития, приумножения материальной и духовной культуры, организующегося и направляющего государство. По свидетельству Э. Хобсбаума, в качестве первого критерия возникновения нации в нашем понимании во второй половине XIX в., когда процессы формирования наций в большинстве европейских стран вошли в заключительную фазу, выступала «историческая связь народа с современным государством или с государством, имевшим довольно продолжительное существование в прошлом» (Хобсбаум 1998).

В этой связи стоит отметить, что отсутствие централизованного государства в Германии до второй половины XIX века ясно свидетельствует о его роли в формировании нации: в немецком языке практически не употреблялось само понятие «нация», в литературе и публицистике повсеместно употреблялось слово Volk (народ). Схожие процессы наблюдались в России. Эпоха Великих реформ была временем активного формирования российской нации, которая воспринимала себя, правда, «русской», за что в последнее время слышит немало упреков в свой адрес, но факт остается фактом: на пространстве империи русский народ к этому времени действительно обладал высокой письменной культурой, а его многочисленность гарантировала нации безопасность от внешнего окружения.

Конечно, взаимоотношения нации и государства никогда не были идиллическими — во всех странах это была жесткая агональная борьба за доминирование, периодически переходившая в вооруженную фазу. Наиболее развитые европейские государства — Францию, Англию, Германию — не раз сотрясали революции, бунты и гражданские войны, в которых постепенно выковывались как организационные формы нации, так и принципы ее взаимодействия

с государственной властью. Почему же борьба нации за выработку «сдержек и противовесов» власти, увенчавшаяся успехом на Западе, привела у нас к революции 1917 года и последующим репрессиям 1930-х гг.?

В поисках ответа, по нашему мнению, стоит обратиться к периоду, получившему в исторической литературе название собирания русских земель вокруг Москвы. Этот процесс, ясно обозначившийся при Иоанне III и его преемниках на московском престоле, обрел характер «внутреннего завоевания»; этим термином мы хотим подчеркнуть общность методов и подходов, роднивших его с завоеванием внешним, закончившимся установлением монголо-татарского ига, с которым правление московских государей имеет немало общего. Прежде всего это касается бесцеремонного подавления завоевательской московской властью всего, что хоть отчасти напоминало или могло быть принято за общественное неудовольствие и протест. Политические казни вошли в широкий обиход, как известно, уже при Иоанне III, а при Василии III московские государи распорядились уже со властью, которая возможна только в завоеванной силою оружия стране. «Нет здесь никакого писаного закона, — свидетельствовал Франческо да Колло в 1518 году, — но Князь старательно следует собственным обычаям. Его воля, однако, единственно почитается за закон, и настолько ему все подчинены что если он прикажет кому пойти и повеситься, бедняга не усомнится немедленно подвергнуть себя таковому наказанию. Не видно ни у кого и такой смелости, чтобы кто-то решился сказать — это имущество мое; но говорит — по милости великого Государя приобрел я сие имущество. И, если сказать правду, все имущество, не только общественное, но и частное, каково бы оно ни было, — принадлежит сему Князю, и он сегодня дает одному и отнимает от другого завтра, и крайне часто в одно мгновение возвышает одного до самых высших степеней и положения и опускает другого до самого низа и нищенских условий» (да Колло 1996). Уже тогда задавленным репрессиями подданным и в голову не приходило каким-либо образом протестовать против столь явного беззакония и произвола, наоборот, принято было смиряться, да еще благодарить великого князя по принципу «бог дал, бог и взял».

Закабаление населения и уничтожение народа неукоснительно продолжалось и при преемнике Василия III, и при Романовых, что заставляет предположить, что это была своего рода «генеральная линия», лишь в незначитель-

ной степени испытывавшая влияние личностных особенностей того или иного государя. «Все московиты, или русские, — это уже наблюдение Александром Гваньини, наблюдавшего порядки в Московском государстве в 1570-х гг., — не любят свободы, а предпочитают подчиняться своему государю, которого считают олицетворением власти. Ведь все они, к какому бы сословию ни принадлежали, находятся в тяжелой зависимости (при этом личное достоинство ни во что не ставится). Вся знать, вельможи, военачальники, бояре и чиновники — все считают себя холопами, т. е. презреннейшими и ничтожнейшими слугами великого князя, и признают, что все их движимое и недвижимое имущество, которым они лично владеют, принадлежит не им, а великому князю» (Козлова 1972).

Не было слышно протестов, за отдельными исключениями, и от иерархов Русской Православной церкви, предпочетшей освятить властолюбивые устремления московских государей в пользу, как, очевидно, им казалось, обуздания своеволия высших сословий и смирения народа, каковое качество духовные лица полагали полезным для Царствия Божия. Но в этом случае благими намерениями воистину оказалась вымощена дорога в ад — надмирный авторитет Церкви оказался употреблен не столько для воспитания рабов Царю Небесному, сколько для освящения рабской угодливости и нерассуждающей преданности царю земному. «По отношению к своему государю, — отмечал Паоло Кампани, — угождение и почтение удивительны. Создается впечатление, что некоторые его мнения считаются чуть ли не божественными: они убеждают себя, что он все знает, все может, все в его власти» (Сведения о России... 1969).

Подобное заблуждение возможно только при условии полного подавления рационального иррациональным, знания — догмой, широты кругозора — обскурантизмом, глубокой веры — начетничеством. Тот же Кампани писал в 1581 г., что «в Московии нет ни одной гимназии, в которой юношество обучалось бы свободным наукам, также нет и ученых богословов, которые просвещали бы народ проповедями» (Сведения о России... 1969). Ему вторил в 1575 г. имперский посол Иоанн Кобенцель: «Во всей Московии нет ни одной школы, ни других удобств для обучения, кроме монастырей; потому из тысячи человек едва найдешь одного или двух грамотных» (Письмо Иоанна Кобенцеля... 1842). Напомним, что в Западной Европе, охваченной движением Реформации, с характерным для нее

упором на самостоятельное изучение текстов Священного Писания как единственного хранилища религиозной истины, это было время мощнейшего пробуждения широких народных масс, распространения грамотности среди самых широких слоев населения. Неудивительно, что Реформация, по мнению Э. Геллнера, сильно повлияла на формирование европейских наций.

Политика московской власти в отношении просвещения народа не претерпевала изменений на протяжении как минимум полутора столетий, и политика эта была вполне осознанной: «...цари Московские имеют ту выгоду, что их подданные, .. рождены в покорности, которую всасывают в себя с молоком матери... Московиты, погруженные в глубокое невежество, не знают даже каким образом в Европе переплетают книги», — это замечание относится ко времени царствования Алексея Михайловича (Таннер 1891). Приведем и авторитетное свидетельство его личного врача Самуэля Коллинса, девять лет прожившего при московском дворе: «Русский народ... совершенно предан невежеству, не имеет никакой образованности ни в гражданских, ни в церковных делах. И видя в науках чудовище, боится их как огня, оправдывая таким образом древнее изречение: *Ars nullum habet inimicum praeter ignorantem*¹» (Нынешнее состояние России... 1846). Данные П. Ф. Каптерева об истории развития русской народной школы в XVI–XVII вв. подтверждают эти печальные для нас наблюдения иностранцев.

В результате отсутствия заинтересованности московских государей в образовании народа сложилась ситуация, тонко подмеченная П. Я. Чаадаевым о том, что силлогизм Запада нам незнаком (Чаадаев 1991, т. 1). Незнакомство с самим силлогизмом русскому народу можно было бы простить, живем же как-то донныне и без силлогизма; беда в том, что последний представляет собой разновидность умозаключения. В этом смысле необразованность массы населения неминуемо приводила у нас к неразвитости правильного, системного мышления со всеми отмечавшимися выше последствиями — вплоть до второй половины XVIII в. мы не дали миру ни одного философа, за исключением Г. С. Сковороды, — и «отсутствие свободного почина в нашем социальном развитии» (Чаадаев 1991, т. 1).

Таким образом, Московское государство, осуществив «внутреннее завоевание» русских земель, сознательно отказалось от неотъемлемо свойственной государству функции создания

высокой письменной культуры, ограничившись репрессивным контролем завоеванного населения и подавлением деятельной части народа. Только необходимостью обеспечивать обороноспособность был обусловлен запрос на образованных иностранцев: врачей, рудознатцев, инженеров, военных, который не терял своей актуальности на протяжении всего времени существования Московского государства и особенно в первые годы петровского царствования. Остальное население свято блюло чистоту веры. Впрочем, иностранцы, как, например, генерал Патрик Гордон, соблазнившиеся перспективами заработка в Московии, очень скоро понимали, что для их работодателей они такие же рабы, как и природные подданные, к которым в случае чего вполне применимы привычные репрессивные меры, а контракт есть пустая бумажка, предназначенная только для завлечения и обмана неискушенных.

Первый «железный занавес», отделивший завоеванные Москвой народы Руси от Европы, возник не в XX в., а примерно в конце XV в., когда высшим сословиям был сначала стеснен, а потом и воспрещен переход на службу к сопредельным государям. В дополнение к нераспространению образования это был второй способ держать подданных в слепом повиновении в опасении, что «благодаря путешествию в чужих краях и, вкусив раз свободу, какую наслаждаются другие народы, они разобьют оковы своего рабства» (Таннер 1891). Не случайно одним из условий приглашения королевича Владислава на московский престол, которое выставило посольство М. Г. Салтыкова польскому королю Сигизмунду III в 1610 г., было, по Ключевскому, обеспечение права выезда русских дворян за границу.

На протяжении веков в России, таким образом, государственной властью тормозился процесс формирования нации. Последствия это имело самые печальные — расхождение интересов государства и народа, умаление количества делателей на государственной ниве и снижение их качества. Мощная рука Петра Великого только отчасти смогла компенсировать тот вред, который нанесла политика централизации страны в период Московского государства. Даже в «век золотой Екатерины» французский посланник при русском дворе шевалье де Корберон писал: «Недостаточно обладать богатствами да солдатами, нужно еще иметь государственных людей, нужна национальная связь для того чтобы науки, искусства и добродетели процветали в стране. Прежде чем пустить в ход машину, нужно подумать о принципах, которые бы

¹ Одни невежды враги наук (лат.).

ею двигали. В центре Империи я вижу Монархиню, а вокруг нее толпятся слабые, низкопоклонные и лишённые гениальности министры, да рабский народ, не обладающий ни энергией, ни характером. В результате — великие проекты и плохие планы для их выполнения» (де Корберон 1907).

Попытка «делателей» заявить о себе в декабре 1825 г. вызвала религиозно-охранительную реакцию николаевского царствования, замедлившую формирование российской нации на добрых тридцать лет. Идея нации формируется в Западной Европе в период разложения религиозных ценностей, когда нация, по выражению Э. Дюркгейма, перестает вглядываться в себя через туманную завесу религии и начинает активно поклоняться себе, гордиться своими отличиями, становящихся ясными через достижения в общественной мысли и в общественном устройстве. Гордость русских людей одной только православной верой, идея «святой Руси», родившаяся, по Хобсбауму, не раньше Смутного времени, когда государство находилось в состоянии упадка, если не разложения, показывает, что русскому народу нечем было похвастаться перед окрестными народами в плане устройства своей земной жизни; оттого все идеалы связывались с «жизнью будущего века». Словопрения Иоанна IV с протестантами демонстрируют ту же направленность — задаваемую властью идею собственного боговодительства, дабы подавить, а еще лучше искоренить в умах подданных всякую крамольную мысль о возможности как-то повлиять на решения власти и участвовать в ее делах иначе как беспрекословно исполняя ее повеления.

Русская духовность, по нашему мнению, во многом развивалась как сверхкомпенсация неумения и невозможности под гнетом «внутреннего завоевания» обустроить жизнь на разумных началах. Другими словами, истовая религиозность русских, долгое время питавшая иллюзию интеллигенции о «народе-богоносце», есть следствие осознания своего бессилия перед верховной властью. Язык и этнос, как неотъемлемые признаки нации, были *земными, слишком земными* понятиями, которыми только подчеркивалась общность угнетателей с угнетенными, к явной фрустрации последних (Хобсбаум 1998). Вера как нематериальная категория подспудно питала надежду угнетаемых на посмертное воздаяние угнетателям («и будут первые последними, а последние первыми» (Матф. 20:16)) и всеобщее равенство богатых и бедных перед лицом Всевышнего («того и другого создал Господь» (Притчи 22:2)). Недаром Иоанн IV очень

любил изображать покаяние перед своими терроризированными подданными, мнимо или искренне ужасаясь о своей посмертной участи, утверждая окружающих в этой утешительной для них мысли. Однако, «теократий, способных развиваться в нацию, сравнительно немного, а потому нам трудно судить, каковы в этом смысле возможности власти, опирающейся исключительно на божественный авторитет» (Хобсбаум 1998).

С падением религиозности народа к концу XIX в. самодержавие в России было обречено. Государственность России держалась на тонком слое имущих стратов и на многочисленном бюрократическом аппарате, который, по Л. А. Тихомирову, является простым передаточным механизмом государственной воли и не способен генерировать глубоких идей и смелых решений, которых постоянно требует сама жизнь (Тихомиров 2008). Народ до поры безмолвствовал или бунтовал — конструктивных форм выражения политической воли и представителей, способных ее выразить, он не имел. В России было слишком мало граждан, чьи права как таковые предоставляли им долю участия в судьбах страны и тем самым делали государство до известной степени «их собственным» (Хобсбаум 1998) — т. е. нации. Не успевшая в полной мере развиваться и окрепнуть нация, деморализованная многолетним засильем больших и малых столоначальников, не смогла перехватить бразды правления у дряхлеющей монархии, и власть досталась кучке напористых политических авантюристов, оглушивших население, никогда не учившееся отделять зерна от плевел, звонкой революционной фразой. Веками насаждавшееся в народе представление о сакральности верховной власти сыграло с ней в 1917 г. злую шутку: обезверившийся народ смахнул ее, как ненужную вещь.

Выводы

Не российская интеллигенция, читай, нация, столь уничижительно охарактеризованная Ф. М. Достоевским в его знаменитой Пушкинской речи, была виновна в пропасти, которая, по мнению писателя, отделяла ее от «народа-богоносца» (Достоевский 1991). Пропасть вырыла неумная политика государства, пытавшегося, минуя нацию, опираться на народ, не прикладывая усилий по его просвещению, оставляя его коснеть в невежестве, не развивая и не воспитывая его в ином духе, кроме пресловутой шовинистической преданности «престол-отечеству», преимущественно заключа-

шейся в готовности беспрекословно искоренять врагов «унешних и унутренних» (по А. И. Куприну). Нельзя продолжать обманываться: «Массовая поддержка царя народом реально носила догосударственный характер и в силу этого неизбежно сочеталась с разрушением большого общества, государственности, — прозорливо отмечал А. С. Ахиезер. — Она при субъективной приверженности народа царю неизбежно подрывала его власть, так как... рассматривала государственный аппарат как дискомфортное явление. Народ и царь объединялись не столько в творческом созидании, сколько в разрушении, в истреблении [персонифицированных] злых сил» (Ахиезер 1991, 96). Как видим, интеллигенция, читай, в то время нация, в такого рода деятельности востребована не была, мало того, вызывала подозрения своей вечной тягой к рефлексии всего и вся.

Советский период нашей истории изменил положение дел в немногом и не по существу. Ликвидация безграмотности, открывшая перспективу роста образованности населения, и, как следствие, формирования нации, была небескорыстна — она создала условия для применения эффективнейшего инструмента управления массами — пропаганды. Советская нация, поначалу бурно развивавшаяся в 1920-е гг., после известных «философских пароходов» вскоре замкнулась в рамках партийно-хозяйственной номенклатуры. Помноженная на «достижения» массовой культуры пропаганда обновила инструментарий возжеленной для власти возможности воздействия на население, минуя не только, как встарь, нацию, так даже целый народ. Недоверие к неподконтрольной

власти общественной активности, как учит история предшественников — Московского государства, Российской империи и СССР — препятствует проявлению и развитию творческих производительных сил народа и ведет к ослаблению государственности.

Заключение

Именно поэтому в заключении статьи хотим отметить, что перспективная задача всей системы образования сегодня, в первую очередь высшей школы заключается в воспитании широко образованной, неконформно и творчески мыслящей молодежи, а через это — формирование общероссийской нации и укрепление государственности страны.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в подготовку рукописи статьи.

Author Contributions

The authors have made an equal contribution to the preparation of the manuscript of the article.

Литература

- Ахиезер, А. С. (1991) *Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России)*. В 3 т. Т. 1. М.: Философское общество СССР, 938 с.
- Геллнер, Э. (1991) *Нации и национализм*. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/gellner_ernest/natsii_i_natsionalizm.html#0 (дата обращения 09.12.2022).
- Да Колло, Ф. (1996) *Доношение о Московии*. М.: Наследие, 84 с.
- Достоевский, Ф. М. (1991) *Пушкинская речь. Дневник писателя*. [Электронный ресурс]. URL: <https://litmir.club/br/?b=49905&p=1> (дата обращения 09.12.2022).
- Де Корберон, М. Д. Б. (1907) *Интимный дневник шевалье де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II*. СПб.: издатель Ф. И. Булгаков, 302 с.
- Козлова, Г. Г. (1972) Об «Описании Московии» Александра Гваньини. В кн.: М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров, Т. И. Кузнецова (ред.). *Античность и современность. К 80-летию Федора Александровича Петровского*. М.: Наука, с. 434–444.
- Луман, Н. (2001) *Власть*. М.: Праксис, 256 с.
- Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича. (1846) В кн.: *Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских*. М.: Университетская Типография, с. 23–47.
- Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века. (1842) *Журнал министерства народного просвещения*, № 9, с. 142.

- Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани. (1969) *Вестник Московского университета. Серия IX. История*, № 6, с. 80–85.
- Таннер, Б. Л. (1891) *Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г.* М.: Университетская Типография, 203 с.
- Тихомиров, Л. А. (2008) *Руководящие идеи русской жизни*. М.: Институт русской цивилизации, 640 с.
- Хобсбаум, Э. (1998) *Нации и национализм после 1780 года*. [Электронный ресурс]. URL: <https://litmir.club/br/?b=236025> (дата обращения 09.12.2022).
- Чаадаев, П. Я. (1991) *Философические письма*. *Викитека*. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Философические_письма_\(Чаадаев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Философические_письма_(Чаадаев)) (дата обращения 09.12.2022).

References

- Akhiezer, A. S. (1991) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)*. V 3 t. T. 1 [Russia: Criticism of historical experience (socio-cultural dynamics of Russia)]. In 3 vols. Vol. 1]. Moscow: Filosofskoe obshchestvo SSSR Publ., 938 p. (In Russian)
- Da Kollo, F. (1996) *Donoshenie o Moskovii [Report on Moscow]*. Moscow: Nasledie Publ., 84 p. (In Russian)
- Dostoevsky, F. M. (1991) *Pushkinskaya rech'. Dnevnik pisatelya [Pushkin's speech. Diary of a writer]*. [Online]. Available at: <https://litmir.club/br/?b=49905&p=1> (accessed 09.12.2022). (In Russian)
- De Corberon, M. D. B. (1907) *Intimnyj dnevnik sheval'e de Korberona, frantsuzskogo diplomata pri dvore Ekateriny II [The intimate diary of the Chevalier de Corberon, a French diplomat at the court of Catherine II]*. Saint Petersburg: F. I. Bulgakov Publ., 302 p. (In Russian)
- Chaadaev, P. Ya. (1991) *Filosoficheskie pis'ma [Philosophical letters]*. *Vikiteka [Wikisource]*. [Online]. Available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/Философические_письма_\(Чаадаев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Философические_письма_(Чаадаев)) (accessed 09.12.2022). (In Russian)
- Gellner, E. (1991) *Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism]*. [Online]. Available at: https://royallib.com/read/gellner_ernest/natsii_i_natsionalizm.html#0 (accessed 09.12.2022). (In Russian)
- Hobsbawm, E. (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda [Nations and nationalism after 1780]*. [Online]. Available at: <https://litmir.club/br/?b=236025> (accessed 09.12.2022). (In Russian)
- Kozlova, G. G. (1972) *Ob "Opisanii Moskovii" Aleksandra Gvan'ini [About the "Description of Muscovy" by Alexander Gvanini]*. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov, T. I. Kuznetsova (eds.). *Antichnost' i sovremennost'. K 80-letiyu Fedora Aleksandrovicha Petrovskogo [Antiquity and modernity. To the 80th anniversary of Fyodor Alexandrovich Petrovsky]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 434–444. (In Russian)
- Luhmann, N. (2001) *Vlast' [Power]*. Moscow: Praxis Publ., 256 p. (In Russian)
- Nyneshnee sostoyanie Rossii, izlozhennoe v pis'me k drugu, zhivushchemu v Londone. Sochinenie Samuila Kollinsa, kotoryj devyat' let provel pri Dvore moskovskom i byl vrachom tsarya Alekseya Mikhajlovicha [The current state of Russia, set out in a letter to a friend living in London. The work of Samuel Collins, who spent nine years at the Moscow Court and was a doctor of Tsar Alexei Mikhailovich]. (1846) In: *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej Rossijskikh [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities]*. Moscow: Universitetskaya Tipografiya Publ., pp. 23–47. (In Russian)
- Pis'mo Ioanna Kobentselya o Rossii XVI veka [Letter of John Kobenzel about Russia of the XVI century]. (1842) *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no. 9, p. 142. (In Russian)
- Svedeniya o Rossii kontsa XVI v. Paolo Kampani [Information about Russia of the end of the XVI century. Paolo Campani]. (1969) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya IX. Istoriya*, no. 6, pp. 80–85. (In Russian)
- Tanner, B. L. (1891) *Opisanie puteshestviya pol'skogo posol'stva v Moskvu v 1678 g. [Description of the journey of the Polish Embassy to Moscow in 1678]*. Moscow: Universitetskaya Tipografiya Publ., 203 p. (In Russian)
- Tikhomirov, L. A. (2008) *Rukovodyashchie idei russkoj zhizni [Guiding ideas of Russian life]*. Moscow: Institut russkoj tsivilizatsii Publ., 640 p. (In Russian)

Сведения об авторах

Юлия Владимировна Верминенко

SPIN-код: 1600-3111, e-mail: verminenko@mail.ru

Доктор социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Сергей Эдуардович Зверев

SPIN-код: 5978-1478, e-mail: ser86979392@yandex.ru

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Authors

Yulia V. Verminenko

SPIN: [1600-3111](#), e-mail: verminenko@mail.ru

Doctor of Sciences (Social Sciences), Associate Professor, Department of Public Relations and Advertising, Herzen State Pedagogical University of Russia

Sergey E. Zverev

SPIN: [5978-1478](#), e-mail: ser86979392@yandex.ru

Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Public Relations and Advertising, Herzen State Pedagogical University of Russia